

Свода калмыцкого фольклора. Песнь «О поединке богатыря Алого Хонгора с Авланги ханом» впервые будет опубликована в соответствии с требованиями Свода калмыцкого фольклора. К тому же впервые оригинал песни будет опубликован вместе с переводом в одном издании. Научно-филологический перевод песни на русский язык осуществлен Э. Б. Оваловым. Прилагающееся к песне научное комментирование подготовлено сотрудниками отдела литературы, фольклора и джангароведения КИГИ РАН.

Литература

- Азбелев С. Н.* Основные понятия текстологии в применении к фольклорному материалу // Принципы текстологического изучения фольклора. М.; Л., 1966. С. 260–302.
- Алексеева П. Э.* О расселении калмыков на Дону // Вестник КИГИ РАН (Юбилейное научное издание). Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 291–313.
- Алексеева П. Э.* Иван Попов — собиратель калмыцкого фольклора // О людях и времени: сб. ст. Элиста: КИГИ РАН, 2010. С. 77–79.
- Биткеев Н. Ц.* Поэтическое искусство джангарчи (эпический репертуар Ээлян Овла. Певец и традиция). Элиста, 1982. 96 с.
- Гацак В. М.* Героические песни собрания Александри и проблема их основного текста // Текстологическое изучение эпоса. М.: Наука, 1971. С. 109–147.
- Государственный архив Ростовской области (ГА РО).* Ф. 55. № 13808 [электронный архивный материал].
- Джангар.* Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). Т. 1–2. М.: Наука, 1978. 442 с.
- Калмыцкий эпос «Джангар»* / под. ред. В. А. Закруткина. Ростов-на-Дону, 1940. 272 с.
- Кичиков А. Ш.* Песни и версии «Джангара» // Ученые записки. Вып. 5. Сер.: Филология. Элиста, 1967. С. 55–72.
- Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Короглы Х. Г.* Текстологическая характеристика публикаций эпоса «Гёроглы» и «Гуругли» // Фольклор издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 65–76.
- Манджиева Б. Б.* Старокалмыцкая рукопись «Джангара». Малодербетовский список // Актуальные проблемы алтаистики и монголоведения: мат-лы Междунар. симпозиума (г. Элиста, 14–18 сентября 1994 г.) Ч. 1. Элиста, 1999. С. 106–107.
- Михайлов Г. И.* Предисловие // Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 5–25.
- Мусаев С. М.* Проблемы научной публикации текстов «Манаса» // Фольклор издание эпоса. М.: Наука, 1977. С. 223–229.
- Научный архив КИГИ РАН.* Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 26.
- Овалов Э. Б.* Эпос «Джангар» и его версии (проблемы типологии) // VI-й Международный конгресс монголоведов (Улаан-Баатар, август 1992 г.). Доклады российской делегации. Вып. 2. М., 1992. С. 88–90.
- Попов И. И.* Донские калмыки // Очерки «Географии Всевеликого Войска Донского». Новочеркасск: Издание отдела народного просвещения Всевеликого Войска Донского, 1918. С. 284–329.
- Протт В. Я.* Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор. Материалы и исследования: в 33-х тт. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 196–206.
- Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура; In memorem. СПб.: Петербург. Востоковед., 2003. 464 с.
- Пюрвеева Н. Б.* (Сангаджиева Н. Б.) Эпический репертуар джангарчи М. Басангова. Элиста, 1976. 76 с.
- Селеева Ц. Б.* К вопросу о тематической составляющей песен синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар» // Научная мысль Кавказа. Спецвыпуск № 3. 2006. С. 142–143.
- Церенов В. З.* Джангар. Материалы и исследования / вступ. ст., сост. и прим. В. З. Церенова. М.: РАН Общество монголоведов, 2004. 574 с.
- Чистов К. В.* Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. / К. В. Чистов. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
- Шакурова Ш. Р.* К текстологии башкирского эпоса «Урал-Батыр» // Фольклор. Комплексная текстология. М.: Наследие, 1998. С. 212–221.

УДК 398.22

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

ДИНАМИЧЕСКИЕ И СТАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В КАЛМЫЦКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ «ДЖАНГАР»

Ц. Б. Селеева

Пространство и время являются основными объективными характеристиками физического бытия человека, но в то же время отражают способ восприятия человеком мира¹. Как известно, спецификой про-

странственно-временного континуума архаической эпической формации считается доминирование «прошлого времени», изна-

¹ Поскольку эти категории носят дуальный характер, не случайно, что они стали объектом пристального внимания исследователей как гуманитарного, так и естественного профилей. Проблему пространства и времени в фольклоре, литературе, искусстве, куль-

туре, этнографии разрабатывали такие ученые, как А. Я. Гуревич [1972], М. Элиаде [2000], В. В. Иванов [2002], Ю. М. Лотман [1968], Е. М. Мелетинский [2004], С. Ю. Неклюдов [1972; 1973; 1975], А. Ш. Кичиков [1997], В. Н. Топоров [2000], Н. Л. Жуковская [1988], Э. Б. Овалов [2008], Э. У. Омакаева [1999; 2010], Э. П. Бакаева [2003] и др.

чально являющегося ее фундаментальным содержанием, ср.: «эпический мир находится на недостижимом ценностно-временном уровне и отделен от современности, то есть от времени певца (автора и его слушателей) абсолютной эпической дистанцией» [Бахтин 2000: 204]. Трансформация архаических эпических форм в классические, как правило, влечет за собой изменение пространственно-временного фона, который утрачивает свои мифические черты и приобретает квазиисторические признаки [Мелетинский 2000: 62].

В центре нашего внимания находятся категориальные понятия времени и пространства, нашедшие отражение в эпосе «Джангар»². За основу исследования берется реляционная концепция категорий пространства и времени, которая заключается в том, что данные понятия трактуются не как самостоятельные сущности, а как системы отношений, которые образуются вследствие взаимодействия материальных объектов. Другими словами, пространство и время вне этой системы не существуют.

Временная последовательность в биографии героя связана с постоянной эволюцией его образа и имеет особое сюжетное значение, так как все эпическое повествование ориентировано непосредственно на героя. Следует отметить, что в архаических эпических произведениях главным героем является мифический персонаж, вокруг которого циклизовались различные сюжеты [Мелетинский 2000: 32]. Существенной особенностью биографического времени является его динамическая насыщенность событиями, героическими поступками и подвигами. Так, возрастная характеристика Джангара начинается описанием его чудесного рождения, совпадающего со священным временем «начал»: *В начале ранних времен, / В пору распространения веры в бурханов [Джангар] родился*. Здесь зачин символизирует собой «раннее время» космогонического акта сотворения мира и переход от Хаоса к Космосу. Космизация хаоса является процессом творения мира, включающим деятельность культурного героя по добыванию благ и борьбу против хтонических существ [Мелетинский 2000: 36].

Детство Джангара характеризуется совершением первых героических подвигов, относимых к обряду инициации: *Когда*

ему было только два года, / Свирепый мангас владения его захватил, / И он сиротой остался. / На третьем году, / Когда был трехлеткой его [конь] аранзал Зерде, / [Впервые] в поход он отправился. / Разрушив врата трех больших крепостей, / Могучего Гульджинг мангас-хана себе подчинил. / На четвертом году, / Разрушив врата четырех больших крепостей, / Могучего Дерденг Шара мангас-хана подчинил своей власти.

Эта четко выраженная последовательность героических поступков в биографии Джангара прослеживается до достижения им возраста шести лет, знаменующего окончание детства героя и наступления возраста расцвета юности: *На седьмом году жизни, / Семь нижних стран покорил. / Славный Джангар имя свое провозгласил.*

В целом биографическое время эпического героя обладает свойством динамического характера и выполняет центральную и организующую роль во временной системе всего эпического сюжета, динамические пространственные элементы которого связаны с функционированием отдельных персонажей [Неклюдов 1975: 185]. Пространственные зоны перемещений героя представляют собой ландшафт эпического мира, который конструируется при помощи разнообразных топонимических реалий (стран, гор, океанов, морей, рек, долин, скал, перевалов и др.).

В эпосе герой, как правило, осваивая неизведанные пространства, направляется в чужой локус, где находятся хтонические существа, представляющие собой опасность. Согласно архаическим представлениям, вселенная в своем начальном состоянии является хаосом, а сами обитатели приравниваются к его могущественным силам. Прокладывание дороги в такое неизведанное пространство является уделом эпического героя.

Временная протяженность пути героя измеряется обычными единицами измерения временного формата (*день пути верхом, месяц пути верхом, год пути верхом*) [Жуковская 2004: 345–346] и представлена рядом соответствующих формул: *не считая дней и ночей, скакал [герой], проскакал путь, равный полным трем месяцам, [конь] готов к преодолению расстояния в сорок девять месяцев, [конь] расстояние в девять месяцев преодолел за девять суток.*

² Материалом для исследования послужили опубликованные тексты эпоса «Джангар» [1978].

Единицей измерения времени пути могут служить и целые сутки (хонг), которые соотносятся с замкнутым временным циклом и определяются границами от восхода до восхода солнца [Омакаева 2010: 301]: *[герой] преодолел расстояние трижды по семь суток, семью семь сорок девять суток проскакал [герой], [герой в пути] проспал семью семь сорок девять суток, [герой] океан Ганг Менге преодолел на седьмые сутки, [герой] проскакал расстояние в полных три месяца суток, [герой] четверо суток на коне Бурал Галзана в бессознательном состоянии проехал, дважды по семь суток, преследуя, бежал мальчик [за Цаган нойном]* и др.

Особым пространственным локусом и одним из ключевых элементов в эпической картине мира монгольских народов является гора, маркирующая нахождение героя в приграничном локусе. Как правило, эпический герой встречает на пути гору *Өл Маңхн Цаһан*³ и, взойдя на ее вершину, обозревает незнакомую ему местность по четырем сторонам света. Чаще всего он видит золотой громадный дворец чужеземного хана, к которому затем он направляется.

С представлениями о пространственных перемещениях героя и переходе в иной мир связано превращение героя в плешивца, что, по сути, является обрядом нового рождения в чужеродном локусе и особым инициационным ритуалом [Бакаева 2003: 235]. Так, в одном из сюжетов для вступления в «чужой локус» герой Хонгор своего коня превращает в захудалого жеребенка, а себя — в тарха-паршивца. Появление в собственном обличье на чужой территории было небезопасным. Такие события, как преодоление пространства, превращение и др., выявляют эпические представления о категориях пространства и времени в динамическом аспекте.

Немаловажную роль в эпосе играет и статическое время. Концепция «протяженности времени» в эпосе, где время застыло в своей монолитности и мощи, является смыслом «идеи сакрального царя, приносящего подданным «золотой век» или «царство Солнца» [Аверинцев 2004: 417]. Джангар — сакральный правитель, а страна Бумба — царство Солнца, в котором длит-

ся «золотой век»: *Его страна бессмертна, вечна. / Ее люди всегда в облике двадцати пяти лет пребывают*. Иными словами, в эпосе «Джангар» отражены представления о божественном происхождении ханской власти и установлении «вечного» миропорядка на земле.

Особой внешней статичностью во времени отличается ситуация «эпического пира», где устанавливается, закрепляется и поддерживается героический миропорядок со своей социальной структурой и иерархией. Статичность времени проявляется в длительности пира: эпический сюжет, как правило, начинается и заканчивается пиром, представляющим собой начальный и конечный этапы от одной сюжетной событийной канвы к другой и длящимся неопределенное количество времени, хотя иногда указывается его продолжительность (девять лет). Пир символизирует собой «мирную, статичную эпическую жизнь», а «героические сражения и поединки» — ее временное динамическое нарушение [Мельникова 1987: 168].

Изображение пира в эпосе «Джангар» представляет статичную картину нравственной и иерархической гармонии, которая мыслится как утопический центр мироздания [Кичиков 1997: 295]. С центром мироздания непосредственно связано восприятие эпическим индивидуумом пространства и времени. В его основе лежит четкое убеждение в том, что местонахождение героя — будь то страна, храм или дворец — это истинный центр мира, воспроизводящий собой «вселенную» в ее микрокосмическом масштабе.

Еще одной особенностью архаических обществ является восприятие пространства вертикальной, а не горизонтальной направленности, где символически обеспечивался раздел уровней (по вертикали вселенная трехслойна: верхний, средний и нижний миры) и где сообщение с иным миром оказывалось только возможным благодаря определенным ритуалам [Элиаде 2000: 271]. Ключевой горизонтальной схемой выступает четырехстороннее пространство, представленное четырьмя материками / частями света, упоминающимися в эпосе «Джангар»: *[Джангар] Сорок два ханства / Четырех частей [света] власти своей подчинил*.

Основным ориентиром определения пространства и времени являлось положение

³ Священная гора *Өл Маңхн Цаһан* в эпосе «Джангар» связана с мифологическими представлениями о мировой горе, являющейся универсальным космическим центром.

ние солнца. Так, в эпосе «Джангар» встречаются формульные выражения *нарн нарх үзг* и *нарн суух үзг*, обозначающие восточную и западную стороны света соответственно. Все ритуальные действия также совершались *по ходу солнца*. Так, Джангар перед отправлением в путь объезжает один или три раза свой дворец по ходу солнца, а также при въезде в локус чужого хана исполняет аналогичный ритуал (по ходу солнца сначала объезжает *цахар* чужеземного хана, а затем раскинувшийся на берегу Бумбайского океана *хурул*).

Категории пространства и времени для древнего человека не однородны и не беспрерывны. В традиционных сообществах особым образом отмечались периоды священного времени праздников и ритуалов. Это время было особым образом табуировано, так как на это время наступал период мира и спокойствия и, как правило, прекращались все войны и распри. Например, в эпосе «Джангар» упоминаются праздники *Урс сар* и *Цаһан Сар*. Посол, передавая ультиматум своего хана, сообщает: *Если эти пять вещей не будут выданы, если минует восьмой день месяца Урюс Будущего года, явлюсь с тринадцатью бумами войск. Бумбайский океан твой высушу, отлучу тебя от твоей веры Будды*. По всей вероятности, время древних праздников служило ориентиром в определении границ времени.

Таким образом, кочевой мир породил свои способы измерения пространства и времени — их определение по положению солнца, расстоянию по времени нахождения в пути и др. Особое восприятие пространства обусловлено эгоцентрической позицией наблюдателя, ощущающего себя находящимся в центре мира, а пространство вокруг — концентрически расположенными зонами [Неклюдов 1975: 127]. Бинарная оппозиция «свой-чужой» является наиболее универсальной категорией, представляющей ключевые пространственные концепты эпической картины мира — концепты «своего мира» (страны Бумбы) и противопоставленного ему «чужого мира».

В ходе анализа пространственно-временного континуума был выявлен ряд статических и динамических свойств взаимодействия локусов и героя в «Джангаре», что позволило выявить способ эпического восприятия универсальных категорий времени

и пространства. Квазиисторичность эпоса преломляется сквозь призму сакральных точек пространственно-временного фона, который представлен динамическими и статическими событиями, постоянно сменяющимися друг друга.

Литература

- Аверинцев С. С. Золото в системе символов ранневизантийской культуры // Поэтика ранневизантийской литературы. СПб.: Азбука-классика, 2004. С. 404–425.
- Бакаева Э. П. Добуддийские верования калмыков // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Элиста: ГУ «Издательский дом «Герел», 2009. Т. 3. 752 с. С. 176–218.
- Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972. 167 с.
- Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен): в 2-х тт. / сост. А. Ш. Кичиков; КНИИЯЛИ. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1978. Т. 1. 442 с. Т. 2. 417 с.
- Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М.: Наука, 1988. 156 с.
- Жуковская Н. Л. Общемонгольские культурные традиции в эпосе «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества: мат-лы Межд. науч. конф. (22–24 августа 1990 г.). Элиста, АПП «Джангар», 2004. С. 344–353.
- Иванов В. В. Тайны забытых предков: страницы истории // Дальний Восток. 2002. № 9–10. С. 9–10.
- Кичиков А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 3-е, репринтное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 319 с.
- Лотман Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя // Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. 173 с.
- Мелетинский Е. М. От мифа к литературе. Курс лекций «Теория мифа и историческая поэтика». М.: РГГУ, 2000. 170 с.
- Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд. испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
- Мельникова Е. А. Меч и лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М.: Мысль, 1987. 203 с.
- Неклюдов С. Ю. Время и пространство в былинне // Славянский фольклор. М.: Наука, 1972. 216 с.
- Неклюдов С. Ю. Заметки об эпической временной системе // Труды по знаковым системам. VI, Тарту, 1973. С. 151–165.
- Неклюдов С. Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору: Сб. ст. памяти В. Я. Проппа (1895–1970). М.: Наука, 1975. С. 182–191.
- Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2008. 304 с.
- Омакаева Э. У. Время и календарь в традиционной культуре калмыков // Время и календарь в традиционной культуре: тез. докл. Всерос. науч. конф. СПб., 1999. С. 76–78.

Омакаева Э. У. Народные знания // Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. М.: Наука, 2010. С. 301–304.

Пространство в традиционной культуре монгольских народов / Нанзатов Б. З., Николаева Д. А., Содномпилова М. М., Шагланова О. А.; Ин-т

монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. М.: Вост. лит., 2008. 341 с.

Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х тт. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 2000. Т. 2. С. 340–342.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении / ред. В. П. Ка-лыгин, И. И. Шептунова. М.: Ладомир, 2000. 415 с.

УДК 398.21

ББК 83.3 (2Рос=Калм)

КАЛМЫЦКАЯ КУМУЛЯТИВНАЯ СКАЗКА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И СОХРАННОСТИ ТЕКСТОВ

Т. Г. Басангова, Б. Б. Манджиева

Кумуляция, под которой понимается циклическое повторение сюжетных узлов, является одним из распространенных приемов создания сказочного сюжета в мировом фольклоре. Обычно кумулятивные сказки относят к детскому фольклору, т. к. для них характерны напряженность сюжета, эмоциональность и занимательная форма исполнения.

Данный вид сказок, выделяемый в международную научную практику в качестве особого вида (нем. *Zahlmdrchen* 'кружащиеся вокруг одного места'), построен на многочисленных повторах эпизодов с включением новых персонажей или на увеличении числа персонажей. Как подчеркивает В. Я. Пропп, им присуще такое же структурное единство, какое свойственно волшебным сказкам [Пропп 1976: 243]. Несомненными его заслугами являются само выделение кумулятивных сказок из корпуса русских сказок и принципиальная дифференциация кумулятивных сказок и сказок о животных. Их выделение из сказок о животных осуществлено на тех же критериях и почти в то же самое время, когда и волшебные сказки. Одним из таких оснований является структура сказок: «Основной композиционный прием кумулятивных сказок состоит в каком-то многократном, все нарастающем повторении одних и тех же действий, пока созданная таким образом цепь не обрывается или же не расплетается в обратном, убывающем порядке» [Пропп 1976: 292]. Впрочем, В. Я. Пропп, здесь, не был первооткрывателем: в «многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы» видел специфику такого рода сказок и А. И. Никифоров [1928: 53], по мнению И. И. Толстого [1936].

Уместно напомнить о том, какие формальные признаки сказок выделял сам

А. И. Никифоров:

- 1) двусоставность сюжетной схемы: рамочная и внутренняя части сюжета (повторяющиеся и составляющие *specificum* сказки элементы);
- 2) сущность содержания сказки, заключающаяся в многократном повторении одной и той же сюжетной морфемы;
- 3) элементы повтора, представленные в шаблонизированных конструкциях¹;
- 4) диалог, обязательный для шаблонизированных и повторяющихся частей текста и составляющий его специфическое;
- 5) основное действие как важнейший, кристаллизующий сказку фактор. При этом «большинство сказок группы имеет в качестве композиционного стержня только одно действие, именно — встречи. Конкретное разнообразие сюжетов отдельных сказок группы определяется, так сказать, вторичными действиями, которыми обрастает осевое действие — встречи» [Никифоров 1928: 53–59].

В. Я. Пропп в свою очередь предпринял попытку каталогизировать кумулятивные сказки и выявил одиннадцать их типов (или рядов):

- I. Ряд отсылок или насылок;
- II. Ряд (осуществленных или избегнутых) пожираний;
- III. Ряд мен или обменов;
- IV. Напрашиваются в избу или изгоняются из нее (или не пускают в нее);
- V. Напрашиваются в сани (телегу, лодку);
- VI. Ряд приобретений или наград;

¹ Имеется 4 вида шаблонизации: 1) прозаический диалог; 2) «короткий, отрывистый диалог, который, благодаря речитативному произнесению начинает принимать определенный ритмический склад» [Никифоров 1928: 53]; 3) стих с песенной установкой; 4) смешанный (сочетание диалога прозаического со стихотворным).